

Это был его первый поцелуй.

Если не считать поцелуев с мамой и папой, это был самый настоящий поцелуй в полном смысле этого слова.

Поцелуй, в котором сплелись их губы.

Он наклонил голову, когда целовал — точь-в-точь как юная девочка, только познающая трепет первой любви, или как слишком напористая старшая сестрица, а то и вовсе словно подбивающий клинья студент-паренёк, целующий мужчину с неповторимым запахом, обжигающе горячего, переполненного мужскими феромонами.

Колючая щетина едва пробившихся усов царапала его подбородок. Дыхание партнёра было прерывистым, руки постепенно поднимались по его спине, ладони с неудержимой силой давили на затылок, а пальцы запускались в волосы.

В ушах раздавался треплет ветрозащитной ткани, но куда громче, казалось, звучал влажный звук, напоминающий сплетение двух щупалец осьминога без присосок.

Чмок.

Громкий звук расцепления губ поставил точку. Гу Гуай жадно, полной грудью ловил воздух, подозревая, что они целовались минут десять, а в самые последние минуты Цзян-гэ даже прикусил ему нижнюю губу — было больно, но это доставляло непередаваемое, острое удовольствие.

Если быть точным, то инициатором поцелуя в самом начале выступил он сам, но всё остальное время полностью верховодил Цзян-гэ. Неужели Цзян-гэ уже со многими целовался? Иначе почему у него всё получалось так ловко...

В мыслях Гу Гуай внезапно закралось подобное сомнение, но он тут же засомневался, стоит ли вообще об этом спрашивать.

Казалось бы, спрашивать не стоило, иначе вышло бы так, будто ему есть до этого дело. Хотя раньше Гу Гуай вовсе не считал этот вопрос чем-то сложным — захотел узнать, так спросил, ведь они с Цзян-гэ друзья детства, но... зачем спрашивать? При одной мысли об этом... становилось как-то не по себе. Гу Гуай не мог представить, что кто-то целовал его лучшего брата. Высокая эта женщина, низкая, полная или худая — он совершенно ничего не знал, а Цзян-гэ при этом прекрасно знал всё о том человеке. Это было так несправедливо.

На покрасневшем лице Гу Гуай читалась странная, трудновыразимая обида. Он и сам не понимал, вызвана ли эта обида тем, что он считал Цзян Хэ своим лучшим братом, а тот думал вовсе не так, или же просто тем фактом, что он поцеловал губы, которые уже целовал кто-то другой, и теперь испытывал некоторое физическое отвращение.

Наверное, всё-таки последнее.

Гу Гуай считал, что у него есть некоторая склонность к чистоплотности, но разве подобные вещи стоили такой щепетильности? Они ведь оба мужчины, о каких вообще странных вещах он думает?

В голове у Гу Гуай царил полный беспорядок. Он никак не мог разобраться, что за странное чувство — будто он лишился своего первого раза, а в итоге выяснилось, что этот первый раз пришелся на какого-то негодяя. Однако он совершенно не умел скрывать то, что у него на душе: смущение, обида, радость, веселье — всё напрямую отражалось в его взгляде.

Господин Цзян за всю свою жизнь больше всего исследовал тему по имени Гу Гуай: он изучал его взгляд, движения тела, язык жестов, выражение эмоций и психологические реакции. Можно сказать, что стоило Сяо Гуай хоть чуть-чуть выпятить задницу, как Цзян Хэ уже понимал: если влево — значит, тихонько пустил газы, а если вправо — значит, потерял терпение. Всё это было плодами его многолетних изысканий.

Не успел Цзян Хэ как следует посмаковать недавний поцелуй, как, пару секунд поглазев на Сяо Гуай, он протянул руку, большим пальцем стер след с уголка рта и, словно между прочим, пошутил:

— Оказывается, вот каков на вкус французский поцелуй. И у меня он тоже впервые.

Гу Гуай тут же ожил, его глаза мгновенно заблестели, и он с улыбкой ответил Цзян-гэ:

— У тебя тоже впервые? И у меня тоже! — Ну как ты себя чувствуешь? — Цзян Хэ откашлялся, стараясь не выдать своего волнения перед Гу Гуаем.

Все те сложные мысли Гу Гуая мгновенно испарились, и он честно и прямо ответил:

— Во рту ужасно онемело, в горле першит, дышать нечем, глаза горят... Такое ощущение, будто во всём мире остался только звук того, как ты, гэ, целуешь меня.

Кадык Цзян Хэ едва заметно качнулся вверх-вниз. Он снова прочистил горло, подавляя смертельно опасный огонь, который разожгли эти слова, и с улыбкой произнес:

— Настолько понравилось?

Он просто шутил.

Кто же знал, что Гу Гуай, честно покраснев, тихо ответит:

— Странно как-то, приятно. Нравится.

И правда ведь странно приятно! Гу Гуай никогда не умел лгать, тем более перед Цзян-гэ — разве тут было чего стыдиться?

Гу Гуай облизал губы и, не понимая, почему Цзян-гэ вдруг замолчал, протянул руку и коснулся его лица. На этот раз он наконец почувствовал хоть какое-то тепло, но... как бы сказать, Гу Гуай находил то ощущение слишком приятным и хотел повторить, поэтому ненароком провел пальцем по губам Цзян-гэ.

Губы Цзян-гэ оказались неожиданно мягкими — куда мягче его собственного упрямого и резкого характера. Никаких заусенцев, они даже не трескались, как у самого Гу Гуая, — тонкие и упругие.

Вдруг какая-то снежинка, изо всех сил стараясь, пробилась сквозь щель в брезенте и на глазах

у Гу Гуая упала прямо на губы Цзян-гэ, освещенные оранжевым светом фонарика.

Так удачно совпало.

Гу Гуай воочию видел, как снежинка пролежала на красноватых губах секунды две и даже не растаяла, прежде чем окончательно сгинуť, утянутая языком Цзян-гэ в бездну...

Значит, вот с такой штукой он только что и сплетал свои языки?

Гу Гуай мысленно пораженно ахнул. Ничего-то он в жизни не видел, что поделать — он ведь впервые познал радость поцелуя. Знал бы раньше — давно уже завел себе пару!

Вечно одинокий девственник почувствовал, как в нем пробуждается романтическое чувство. Тоска по единственной подруге — правой руке — резко улетучилась, и в голове крутилась лишь одна мысль: действительно, пора жениться. И на сей раз не ради чего-то другого, не ради маминых мечтаний о внуках, а просто ради того, чтобы испытать всевозможные радости жизни не в одиночку.

Гу Гуай застенчиво подумал об этом, но промолчал. Цзян Хэ же видел его насквозь и прямо-таки холодно усмехнулся:

— Смотрю я на тебя, тебе прямо понравилось смаковать это дело.

Гу Гуай сухо кашлянул, немного смутившись, и сказал:

— А ты хочешь сказать, что самому не было приятно?

Господин Цзян помолчал немного, а затем внезапно улыбнулся:

— Ну что, повторим разок-другой?

Гу Гуай сперва опешил и спросил:

— Ты всё еще замерз?

Голос Цзян Хэ звучал очень низко, смешиваясь с тем раздражением, природы которого девственник Гу Гуай пока еще не понимал:

— Замерз.

Гу Гуай тут же забыл про все слова. Его тело опередило мысли, и он подался вперед, однако в самый момент соприкосновения губ не смог проникнуть на территорию Цзян-гэ первым. Напротив, Цзян Хэ полностью взял под контроль его талию и затылок, захватив и подчинив себе всё вокруг.

На сей раз всё было гораздо интенсивнее, чем в прошлый. Гу Гуай почти не сопротивлялся, его руки словно сами собой взметнулись к плечам Цзян Хэ, обвивая его шею.

Этот поцелуй закончился лишь тогда, когда Гу Гуай почувствовал, что мышцы его щек вот-вот онемеют и сведены судорогой.